

Научная статья

УДК 343

EDN VJDTLM

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).352-360

ТЕОРИЯ ОПАСНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Е.Ю. Антонова*Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

12 июля 2023 г.

Дата принятия в печать

24 августа 2023 г.

Дата онлайн-размещения

18 сентября 2023 г.

Ключевые слова

Опасное состояние; субъект преступления; преступная иерархия; криминальный статус; административная преюдиция; уголовная преюдиция; состояние опьянения; судимость; меры уголовно-правового воздействия

Аннотация. Процесс законотворчества не должен быть научно необоснованным, бессистемным и хаотичным. Активное обращение законодателя при конструировании норм уголовного закона к теории опасного состояния личности зачастую вызывает нарушения правил законодательной техники и по-разному оценивается в доктрине уголовного права. В статье дается обзор норм российского уголовного закона, которые основываются на данной теории. К опасному состоянию законодатель отнес состояние опьянения при нарушениях правил дорожного движения, повлекших последствия, а также совершение преступлений при наличии уголовной и административной преюдиций. В данных ситуациях «опасный» субъект хоть и совершает запрещенное уголовным законом деяние, установление ответственности за него не всегда представляется оправданным шагом законодателя. В этих нормах нередко прослеживается разбалансировка в части оценки степени общественной опасности деяний и определения меры наказания, что ведет к нарушению принципа справедливости и необоснованному применению мер уголовно-правового воздействия. Беспрецедентным является установление ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. На законодательном уровне не решен целый ряд вопросов, связанных с правовыми последствиями отказа лица от криминального статуса, а также определением критериев такого положения. Делается вывод об обоснованности применения теории опасного состояния личности в случаях, когда речь идет о лицах, нарушивших уголовно-правовой запрет в состоянии невменяемости, или не достигших возраста уголовной ответственности. Меры, применяемые к таким лицам, направлены на преодоление состояния их общественной опасности. Отмечается, что устанавливать уголовную ответственность, базируясь только на опасном состоянии субъекта в отрыве от конкретных общественно опасных деяний, недопустимо. Указывается, что опасность личности должна приниматься во внимание только при выборе меры уголовно-правового воздействия и выработке мер профилактики противоправного поведения.

Original article

THE THEORY OF THE DANGEROUS STATE OF THE INDIVIDUAL AND ITS IMPACT ON CRIMINAL LAWMAKING: STATEMENT OF THE PROBLEM

Elena Yu. Antonova*Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, the Russian Federation*

Article info

Received

2023 July 12

Accepted

2023 August 24

Available online

2023 September 18

Abstract. Lawmaking should avoid being scientifically ungrounded, unsystematic or chaotic. The lawmakers' active use of the theory of the dangerous state of the individual in the construction of criminal law norms often results in violating norms of legislative technique and is assessed in different ways in the doctrine of criminal law. The article presents an overview of Russian criminal law norms based on this theory. The legislators classify as dangerous condition the condition of intoxication in cases of traffic rules' violations resulting in consequences, as well as committing crimes in the situations of criminal or administrative prejudice. In these situations, although the "dangerous" subject commits a criminal offence prohibited by law, es-

Keywords

Dangerous state; subject of the crime; criminal hierarchy; criminal status; administrative prejudice; criminal prejudice; the condition of intoxication; criminal record; measures of criminal law influence

establishing liability for it cannot always be seen as a justified action of the lawmaker. These norms often lack a balance between the degree of public danger of an act and the severity of the penalty, which results in the violation of the principle of justice and an ungrounded use of measures of criminal law impact. There is no precedent for establishing liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy. A number of questions connected with the legal consequences for a person renouncing the criminal status, and with determining the criteria for such a position have not been resolved at the legislative level. It is concluded that use of the theory of the dangerous state of the individual is justified for persons who violated criminal law prohibitions in the condition of diminished responsibility or have not reached the age of criminal liability. Measures applied to such persons are aimed at overcoming the state of their public danger. It is noted that it is inadmissible to establish criminal liability based on the dangerous state of the person alone, regardless of the specifics of publicly dangerous acts. The author points out that the danger of the person should only be taken into consideration when choosing the measure of criminal law impact and working out measures of preventing unlawful behavior.

В последние годы российское уголовное законодательство подвергается постоянной, зачастую бессистемной и криминологически необоснованной корректировке, что порождает массу научных дискуссий о его качестве. Отдельные изменения вызвали и обсуждение вопроса о возвращении в отечественный уголовный закон теории «опасного состояния личности».

Примечательно, что нашей стране известны периоды, когда данная теория была заложена в уголовно-правовые нормы. Так, задача УК РСФСР 1922 г. сводилась к защите государства и трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов (ст. 5), а опасность лица выявлялась совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку (ст. 7). В УК РСФСР 1926 г. упоминались лица, совершившие общественно опасные действия, и лица, представляющие «опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности» (ст. 7).

Основываясь на идеях теории «опасного состояния личности», названные советские уголовные законы отводили доминирующее значение в оценке общественной опасности не деянию, а личности, относя, например, судимость к обстоятельствам, учитываемым при назначении наказания и дифференциации ответственности в рамках отдельных составов [1].

В последующем, исключив из норм уголовного закона категорию «рецидивист», отказавшись от административной преюдиции, российский законодатель, казалось бы, отошел от теории «опасного состояния личности», но, устанавливая отдельные уголовно-правовые запреты, он все же прибегает к ней. Так, при принятии действующего уголовного закона состояние

опьянения лица при совершении преступления не сказывалось на уголовной ответственности ни в сторону смягчения, ни в сторону отягчения. Но со временем законодатель увидел повышенную опасность лиц, допускающих дорожно-транспортные происшествия с последствиями в виде тяжкого вреда здоровью, смерти человека или двух и более лиц в процессе «пьяного вождения» либо не имеющих водительского удостоверения или лишенных права управления транспортными средствами (ч. 1.2, 2.1, 4 ст. 263, п. «а», «в» ч. 2, п. «а», «в» ч. 4, п. «а», «в» ч. 6 ст. 264 УК РФ). Примечательно, что указанные нормы устанавливают ответственность за неосторожные преступления, которые в связи с «опасностью личности субъекта» отнесены законодателем к категории тяжких преступлений. При совершении иных преступлений только суд может признать состояние опьянения отягчающим наказанием обстоятельством (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ). Следовательно, установление названных конструктивных признаков квалифицированных составов преступлений свидетельствует о закреплении в нормах уголовного закона теории «опасного состояния личности».

Конечно, с одной стороны, «пьяное вождение» является опасным, ведь транспортное средство относится к источнику повышенной опасности и управление им требует особого внимания [2], но, с другой стороны, нахождение водителя в состоянии опьянения в процессе «вождения» либо отсутствие у него водительского удостоверения не могут сами по себе повлечь негативные последствия, необходимо нарушение еще каких-то правил дорожного движения (ПДД), например выезд на встречную полосу движения, обгон в неположенном месте и т.д., что допускается и трезвыми во-

дителями. Об этом свидетельствуют и данные судебной статистики. Так, в 2020 г. было осуждено 3 299 лиц, нарушивших ПДД в трезвом состоянии, с последствиями, указанными в ч. 1 ст. 264 УК РФ, 1 924 лица, привлечено к ответственности по ч. 3 этой же нормы, 305 — по ч. 5; в 2021 г. соответственно 3 154 лица (снижение к аналогичному показателю предыдущего года (АППГ) составило 4,4 %), 2 035 лиц (прирост к АППГ 5,8 %), 316 лиц (прирост 3,6 %); в 2022 г. — 3 174 лица (прирост 0,6 %), 2 156 лиц (прирост 5,9 %), 335 лиц (прирост 6 %). Что касается лиц, допустивших «пьяное вождение» с последствиями, то в 2020 г. было осуждено 696 чел. по п. «а» ч. 2 рассматриваемой нормы, 533 чел. — по п. «а» ч. 4, 47 чел. — по п. «а» ч. 5; в 2021 г. — 1 151 чел. (прирост 65,4 %), 821 чел. (прирост 54,0 %), 100 чел. (прирост 112,8 %); в 2022 г. — 1 174 чел. (прирост 2,0 %), 891 чел. (прирост 8,5 %), 107 чел. (прирост 7,0 %)¹. Таким образом, в абсолютных показателях лиц, допускающих нарушения ПДД в трезвом состоянии с уголовно-наказуемыми последствиями, значительно больше.

Кроме того, в доктрине отмечается, что «российский законодатель, тиражирующий» административную и уголовную преюдицию в УК РФ также «скатывается на позиции теории «опасного состояния личности» [3].

Категория «опасность» применительно к человеку означает, что таковой подвергается неприемлемо высокому риску совершения деяния, которое приведет к причинению вреда другим лицам [4]. Р. Гарофало рассматривал понятие «опасного состояния личности» преступника как изменчивую (перманентную) и внутренне присущую (имманентную) человеку склонность к совершению преступлений [5, с. 38].

Присутствие данной идеи можно наблюдать в уголовно-правовых нормах, в которых судимость регламентируется в качестве конструктивного признака отдельных составов преступлений (ч. 2 ст. 116.1, п. «а» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.2, ч. 2 ст. 264.3), а также в составах преступлений с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1,

ст. 151.1, ст. 157, ст. 158.1, ч. 1 ст. 264.1, ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3 и др.). Суть этих норм заключается в том, что лицо, будучи ранее подвергнутым административной или уголовной ответственности, вновь совершает аналогичные (однородные или тождественные) деяния. Соответственно, по мнению законодателя, такое лицо представляет повышенную опасность для общества и поэтому должно наказываться строже, по сравнению с лицами, впервые допустившими такое нарушение административных или уголовно-правовых запретов.

В научной литературе указывается на разбалансировку данных норм в части оценки степени общественной опасности деяний и определения видов и пределов наказания за преступление и административное правонарушение, что ведет к нарушению принципа справедливости и нередко необоснованной уголовной репрессии [6, с. 94; 7].

Согласимся с мнением Д.Д. Барсей и С.А. Иванова, которые, обосновывая нецелесообразность и невозможность полного отказа от использования теории «опасного состояния личности», указывают на недопустимость того, «чтобы опасное состояние само по себе в отрыве от поведенческих актов стало основанием для применения мер уголовной ответственности к лицу». Это состояние можно учитывать лишь при избрании конкретных мер уголовно-правового воздействия [8, с. 243]. Меры безопасности или социальной защиты, применяемые к преступнику, должны быть направлены на преодоление состояния его общественной опасности, а при невозможности достижения этой цели — на локализацию общественно опасного состояния [9].

По мнению зарубежных исследователей, в уголовном правосудии опасность означает, что, согласно принципу соразмерности, лицам выносятся приговоры в соответствии с тяжестью совершенного преступления и степенью ответственности [4]. Важным в связи с этим является и то обстоятельство, что переоценка опасности вредна не только для лиц, ошибочно считающихся «опасными», но и для общества, которое, движимое заботой о безопасности, соглашается на реализацию неточных мер [10]. Только при правильном понимании концепции «опасного состояния личности» можно предусмотреть соответствующие уголовные санкции для предотвращения преступного потенциала такого лица в зависимости от степени опасности, которую оно может представлять для общества в будущем [11].

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2020 г., за 12 месяцев 2021 г., за 12 месяцев 2022 г. Форма № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

Возвращаясь к современному отечественному уголовному закону, отметим, что законодатель не ограничился «вкраплением» административной или уголовной преюдиции в составы преступлений. Ярким примером использования в уголовном законе данной теории являются нормы об ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210) и за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1). Указанный в этих нормах субъект привлекается к ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ только при условии совершения описанных в ч. 1 и (или) 1.1 действий, а по ст. 210.1 — только при констатации криминального статуса лица в отрыве от реально совершаемых общественно опасных деяний.

Из этого исходят и суды, резюмирующие в своих решениях, что преступление, описанное в ст. 210.1 УК РФ, окончено в момент занятия лицом такого статуса² и не требуется «установление конкретных фактов и обстоятельств создания или руководства тем или иным лицом преступными группами, фактов координации их действий и создания связей между ними, фактов разработки планов совершения преступлений, а также раздела сфер преступного влияния и преступных доходов»³, а «содержащиеся в кассационной жалобе доводы о том, что за занятие высшего положения в преступной иерархии может быть осуждено лишь лицо, совершившее конкретные противоправные действия, являются несостоятельными»⁴. Признавая лицо виновным, суды в первую очередь фиксируют факт занятия лицом такого статуса: «А. ... был присво-

ен статус «вора в законе», т.е. лица, обладающего авторитетом в преступной среде, воспринимаемого в этом качестве лицами, занимающимися противоправной деятельностью», влияющего на «систему неформальных взаимоотношений, складывающихся в криминальной среде»⁵; «согласно заключению эксперта, татуировки, нанесенные на тело Н., подтверждают его статус в преступной иерархии как лица, занимающего высокое положение в преступной элите»⁶.

Обоснованием регламентации ответственности за статус «вора в законе» является то, что «благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности»⁷. По мнению ученых, преследование такого лица затруднено в связи с тем, что оно лично не участвует в совершении преступлений [12].

Можно ли говорить, что законодатель, идя по пути регламентации таких норм, «включает» «защитные механизмы государства» от общественно опасных для него элементов и допустимо ли это?

Есть мнение, что это оправдано, поскольку лица, занимающие криминальный статус, пропагандируют такой образ жизни и воровскую идеологию и тем самым представляют повышенную общественную опасность для общества [13]. Однако в ст. 8 УК РФ четко сказано, что основанием для уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Говоря о преступлении (ст. 14 УК РФ), законодатель также делает акцент на том, что таковым считается деяние, обладающее определенным набором признаков. Таким образом,

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 сентября 2022 г. № 57-УД22-10-А1 6А3. // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08092022-n-57-ud22-10-a1>.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 июля 2022 г. № 5-УД22-82-А1 // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28072022-n-5-ud22-82-a1>.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 февраля 2023 г. Дело № 5-УД23-5-А1 // Банк судебных документов. Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2218878.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 августа 2022 г. № 20-УД22-9А3 // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11082022-n-20-ud22-9a3>.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 сентября 2022 г. № 11-УД22-34-А4 // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4>.

⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>.

для привлечения к уголовной ответственности требуется совершение деяния, запрещенного конкретной нормой уголовного закона.

Имеется точка зрения, в соответствии с которой «опасность можно обнаружить в обладании определенными чертами характера, вызывающими преступное поведение». Вместе с тем этого «недостаточно, чтобы назвать кого-то опасным: он или она также должны быть постоянными преступниками, совершающими серьезные преступления» [14]. Отсюда следует, что одного статуса мало, чтобы лицо было признано виновным в преступлении. Требуется доказательство того, что оно оказывает влияние на ниже стоящих в криминальной иерархии лиц, активно ведет организационно-распорядительную деятельность по поддержке организованной преступности [12], суть которой описана в ст. 210 УК РФ.

Конечно, российские суды при вынесении приговора по ст. 210.1 УК РФ руководствуются и доказательствами того, что после наделения особым статусом, лицо выполняло определенные действия, свидетельствующие о его наличии. К таким действиям относятся, например, контроль различных направлений деятельности криминальных структур, обеспечение их существования и формирование общей материальной базы, осуществление покровительства лиц, совершивших преступления⁸, распределение сфер влияния в уголовно-преступной среде, присвоение криминальных статусов другим лицам и лишение их этих статусов, выполнение других организационно-распорядительных, регулирующих и дисциплинарных функций⁹. При этом из диспозиции ст. 210.1 УК РФ не следует, что суды должны подтверждать статус конкретным функционалом лица. В случае же, если лицо, наделенное рассматриваемым статусом, совершает перечисленные действия, содеянное попадает под признаки ч. 4 ст. 210 УК РФ.

⁸ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 апреля 2022 г. № АПЛ22-135 // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042022-n-apl22-135>.

⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июля 2022 г. № 32-УД22-9-А4 // Кодексы online. Уголовный кодекс. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14072022-n-32-ud22-9-a4>.

Возникают и другие вопросы. Каковы порядок и форма отказа лица от криминального статуса? Достаточно ли простого заявления (письменного или устного) о том, что он отказывается от этого статуса? Возможно ли освобождение лица от наказания в связи с таким отказом? Рассмотрим ситуацию, если, предположим, лицо осудили по ст. 210.1 УК РФ и после отбытия наказания оно не отказывается от своего статуса. Сразу же после освобождения правоохранительные органы должны возбудить уголовное дело и вновь привлечь лицо к ответственности по данной норме, поскольку оно продолжает занимать соответствующий криминальный статус.

Данные вопросы на законодательном уровне не решены, равно как и не сформированы точные признаки таких понятий, как «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» [15], что существенно затрудняет применение рассматриваемых норм на практике.

Существует мнение, что уголовное право «неразрывно связано с гражданским порядком» и рассматривается как «политический институт», обеспечивающий взаимные ожидания посредством «в основном принудительного вклада в поддержание определенного вида ... порядка», т.е. через угрозу криминализации и наказания [16].

Сторонники теории «опасного состояния личности» выступали в первую очередь «за развитие превентивных мер, способных вычислить преступника и предотвратить совершение им преступного деяния» [17]. По мнению Э. Ферри и Р. Гарофало, суть этой теории сводится к тому, что преступника надо не карать, а выводить из состояния повышенной склонности к преступлению (и до тех пор, пока это не сделано, изолировать) [18, с. 127]. Но для наложения (или продления) мер пресечения требуется, чтобы правонарушитель был признан «опасным», т.е. чтобы представлял достаточно высокий риск того рода, который должен быть снижен [14].

Полагаем, что применение теории «опасного состояния личности» оправдано, когда речь идет о лицах, нарушивших уголовно-правовой запрет, например, в состоянии внутренней не-свободы — невменяемости или при наличии иных расстройств психики. Выбирая вид принудительного лечения, суд опирается на то, какую «опасность для себя или других» представляют данные лица (ч. 2 ст. 97, ч. 4 ст. 101 УК РФ).

Считается, что люди с психическими расстройствами более опасны, чем обычные люди или люди с незначительными проблемами и физическими заболеваниями, поскольку они находятся под влиянием своего психического заболевания. По общему мнению, лечение лиц с психическими расстройствами снижает риск их опасности [19]. Поэтому в случаях совершения такими лицами деяний, запрещенных уголовным законом, государство прибегает к принудительным мерам медицинского характера, цель которых сводится не только к предупреждению совершения новых опасных деяний данными лицами, но и к излечению, а в случае невозможности этого, к улучшению их психического состояния.

Заслуживающей внимания представляется и идея, выдвинутая на основе криминологических исследований о том, что, прибегая к принудительному лечению, направленному на «исцеление» лиц, допустивших нарушение норм уголовного закона и страдающих психическими расстройствами, нельзя исходить только из исправительной модели. Медицинскую реабилитацию таких лиц необходимо рассматривать как право личности на психическое здоровье [20].

Кроме того, запрещенные уголовным законом деяния могут быть совершены лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. В таких случаях допустимы лишь воспитательные меры воздействия, да и то за пределами действия норм уголовного закона.

Во всех остальных случаях учет «опасного состояния» лица, виновного в преступлении, допустим только при назначении наказания в качестве отягчающего наказание обстоятельства. К примеру, в ст. 63 УК РФ указывается на такие отягчающие обстоятельства, как «рецидив преступлений» (п. «а»), «совершение преступления в составе преступного сообщества» (п. «в»), а в ст. 67 и 68 регламентируются более строгие правила назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии и при рецидиве. Также при опасном и особо опасном рецидиве законодатель не допускает назначения условного осуждения (п. «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ). Значительные ограничения при применении специальных правил назначения наказаний, условного осуждения, института освобождения от наказания наложены и на лиц, совершающих посягательства сексуальной направленности в отношении малолетних, а также преступления террористической направленности. Это тоже является, на

наш взгляд, проявлением теории «опасного состояния личности».

Достаточно новый подход в современной концепции «опасного состояния личности» — надзор за лицами, нарушившими уголовно-правовой запрет, который именуется политикой управления преступностью, и целью его применения является достижение терпимого уровня преступности в обществе [11]. Этот подход реализуется и в нашем государстве¹⁰.

Интересным представляется и опыт некоторых стран, прибегающих к публичному уведомлению о статусе бывшего преступника и использованию реестров (например, «сексуальных преступников»). Это обусловлено тем, что сексуальные преступники являются опасными людьми, которым требуются длительные периоды наблюдения. Подобные меры, по мнению некоторых исследователей, дополнительно подтверждают склонность таких лиц к повторным преступлениям [21].

Отмечается, что регистрация информации об опасных преступниках в системе полиции и других органах власти — важный инструмент контроля над ними. Целью регистрации сведений об опасных преступниках является создание базы данных о месте жительства, текущем местонахождении этих лиц и роде их деятельности, более быстрое выявление подозреваемых и предотвращение повторных правонарушений, что в конечном итоге поможет обеспечить социальную безопасность [11].

Подводя итог, отметим, что «опасное состояние личности» характеризуется определенными качественными признаками, которые сказываются на поведении человека, влекут нарушение уголовно-правового запрета. Такое состояние, как правило, является не постоянным, а переменным свойством личности. Наиболее краткосрочное состояние — опьянение в процессе управления транспортным средством. Судимость или правовые последствия привлечения лица к административной ответственности закрепляются за личностью на более длительный срок, регламентированный на законодательном уровне. Признание наличия психического расстройства зависит от его вида, периода протекания (временное или хроническое), факторов появления (врожденное или

¹⁰ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ : (ред. от 13 июня 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

приобретенное). Положение в преступной иерархии является также переменным, поскольку криминальный статус лица может меняться.

Конечно, один из ключевых критериев при криминализации деяния — его общественная опасность, складывающаяся из целого ряда компонентов, таких как ценность объекта посягательства, особенность деяния и его интенсивность, характер и тяжесть наступающих или возможных последствий, форма вины, мотив и цель, обстановка, повторность и систематичность его совершения и т.д. Но «опасное состояние личности» само по себе не должно лежать в основе криминализации деяния.

Считаем необходимым отказаться от норм, устанавливающих ответственность за преступле-

ния с административной и уголовной преюдицией, в которых квалифицирующим признаком состава преступления является судимость лица, а также предусматривающих возможность применения карательных мер уголовно-правового воздействия только за криминальный статус в отрыве от конкретных общественно опасных деяний. Общественная опасность личности (рецидив, наличие судимости и др.) должна учитываться только в процессе выбора соответствующей меры уголовно-правового воздействия и при выработке мер профилактики противоправного поведения. Считаем, что нельзя достигнуть желаемого результата — удержание преступности в контролируемых государством рамках — только путем криминализации и наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скрипченко Н.Ю. Погашение и снятие судимости: законодательное регулирование и практика применения / Н.Ю. Скрипченко. — DOI 10.18572/2072-3636-2022-4-28-32. — EDN EGLMMV // Администратор суда. — 2022. — № 4. — С. 28–32.
2. Антонова Е.Ю. Повторное «пьяное вождение»: криминологическая характеристика личности водителя и результаты законодательства / Е.Ю. Антонова. — EDN ZXQFXW // Вектор развития криминологии в XXI веке : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Владимир — Суздаль, 18–21 авг. 2021 г. Владимир, 2022. — С. 174–184.
3. Коробеев А.И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? / А.И. Коробеев, А.А. Ширшов. — EDN YMIIQA // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.
4. Rowlands M.T. Psychological and Legal Aspects of Dangerous Sex Offenders: a Review of the Literature / M.T. Rowlands, G. Palk, R.McD. Young. — DOI 10.1080/13218719.2017.1315763 // *Psychiatr Psychol Law*. — 2017. — Vol. 24, iss. 6. — P. 812–824.
5. Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть : учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — Томск : ДиВо, 2007. — 230 с. — EDN XUUZLF.
6. Бриллиантов А.В. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? / А.В. Бриллиантов, А.Д. Щербakov. — DOI 10.31857/S102694520012235-9. — EDN QEFDRG // Государство и право. — 2020. — № 10. — С. 90–99.
7. Антонова Е.Ю. К вопросу о криминализации преступлений с административной преюдицией / Е.Ю. Антонова. — EDN NSJSUV // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 нояб. 2017 г. / отв. ред. Е.Н. Рахманова. — Санкт-Петербург, 2018. — С. 47–56.
8. Барсей Д.Д. Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства / Д.Д. Барсей, С.А. Иванов. — EDN SCVMJR // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2014. — № 2 (41). — С. 241–244.
9. Socially Dangerous Acts and Their Legal Effects: General Characteristics / V.V. Panarina, I.V. Godunov, M.A. Grigoryev [et al.]. — DOI 10.15405/epsbs.2021.03.8 // *Finance, Entrepreneurship and Technologies in Digital Economy : Proceedings of International Conference on Finance*. — 2021. — Vol. 103. — P. 47–55.
10. Etats Dangereux et Troubles Psychiques: Images et Réalités / C. Tassone-Monchicourt, N. Daumerie, A. Caria [et al.]. — DOI 10.1016/S0013-7006(10)70014-2 // *Encephale*. — 2010. — Vol. 36, no 3. — P. 21–25.
11. Rezaeian K.M. Crime Danger Management in Iran's Criminal Law and Islam's Legal Instructions / K.M. Rezaeian, M. Sahragard, G.N. Shavaki. — DOI 10.7596/taksad.v6i3.924 // *Journal of History Culture and Art Research*. — 2017. — Vol. 6, iis. 3. — P. 208–221.
12. Occupation of the Highest Position in Criminal Hierarchy: Interpretation of Evaluative Signs / O.R. Afanasyeva, P.B. Afanasyev, M.V. Goncharova [et al.]. — DOI 10.15405/epsbs.2022.12.6 // *Knowledge, Man and Civilization — ISCKMC 2022 : Proceedings of International Scientific Congress*. — 2020. — Vol. 129. — P. 48–54.
13. Агильдин В.В. Актуальные проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии / В.В. Агильдин, О.Н. Константинова. — DOI 10.17150/2411-6122.2022.4.5-10. — EDN GRLOAI // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. — 2022. — № 4. — С. 5–10.
14. Vries M. The Elusive Concept of Dangerousness: the State of the Art in Criminal Legal Theory and the Necessity of Further Research / M. de Vries, J. Bijlsma. — DOI 10.1080/0731129X.2022.2102837 // *Criminal Justice Ethics*. — 2022. — Vol. 41, iss. 2. — P. 142–166.
15. Антонова Е.Ю. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как специальный субъект преступления / Е.Ю. Антонова. — EDN XRHHZB // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 19 мая 2017 г. / под ред. С.С. Безрукова, К.А. Волкова. — Хабаровск, 2017. — С. 6–11.
16. Carvalho H. Dangerous Patterns: Joint Enterprise and the Culture of Criminal Law / H. Carvalho. — DOI 10.1177/09646639221119351 // *Social & Legal Studies*. — 2023. — Vol. 32, iss. 3. — P. 335–355.

17. Мартыненко Э.В. Возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации судимости в качестве квалифицирующего признака преступления — новое или хорошо забытое старое? / Э.В. Мартыненко. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-3-46-49. — EDN ZKGPQX // Российский следователь. — 2022. — № 3. — С. 46–49.
18. Иншаков С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. — Москва : Инфра-М, 2003. — 374 с. — EDN QVREBP.
19. Jorm A.F. Belief in the Dangerousness of People with Mental Disorders: a Review / A.F. Jorm, N.J. Reavley, A.M. Ross. — DOI 10.1177/0004867412442406 // Aust N Z J Psychiatry. — 2012. — Vol. 46, no. 11. — P. 1029–1045.
20. Martufi A. The Paths of Offender Rehabilitation and the European Dimension of Punishment: New Challenges for an Old Ideal? / A. Martufi. — DOI 10.1177/1023263X18820678 // Maastricht Journal of European and Comparative Law. — 2018. — Vol. 25, iis. 6. — P. 672–688.
21. Harper C.A. Are Sex Offending Allegations Viewed Differently? Exploring the Effect of Offense Type and Conviction Status on Criminal Stigmatization / C.A. Harper, P.N.S. Rumney, D.A. Sackey. — DOI 10.1177/10790632231154168 // Sexual Abuse. — 2023. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36716703/>.

REFERENCES

1. Skripchenko N.Yu. Expiry and Expungement of a Conviction: the Legal Regulation and the Application Practice. *Administrators = Court's Administrator*, 2022, no. 4, pp. 28–32. (In Russian). EDN: EGLMMV. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-4-28-32.
2. Antonova E.Yu. Repeat "Drunk Driving": Criminological Characteristics of the Driver's Personality and the Results of Law-making Work. *Vector of Criminology's Development in the 21st Century. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Vladimir — Suzdal, August 18–21, 2021*. Vladimir, 2022, pp. 174–184. (In Russian). EDN: ZXQFXW.
3. Korobeyev A.I., Shirshov A.A. Criminal Offense Through a Prism of Institute of an Administrative Prejudice: Benefit or Evil? *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 68–72. (In Russian). EDN: YMIIQA.
4. Rowlands M.T., Palk G., Young R.McD. Psychological and Legal Aspects of Dangerous Sex Offenders: a Review of the Literature. *Psychiatr. Psychol. Law*, 2017, vol. 24, iis. 6, pp. 812–824. DOI: 10.1080/13218719.2017.1315763.
5. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminology. The General Part. Tomsk, DiVo Publ., 2007. 230 p. EDN: XUUZLF.
6. Brilliantov A.V., Shcherbakov A. The Theory of the Dangerous Condition of Person: One Step Forward or Two Steps Back? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 90–99. (In Russian). EDN: QEFDRG. DOI: 10.31857/S102694520012235-9.
7. Antonova E.V. On the Criminalization of Crimes with Administrative Prejudice. In Rakhmanova E.N. (ed.). *Criminal Policy and the Practice of Law Enforcement. Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, November 3, 2017*. Saint Petersburg, 2018, pp. 47–56. (In Russian). EDN: NSJSUV.
8. Bersey D.D., Ivanov S.A. Dangerous Condition of a Person in Context of Russian Modern Criminal Law. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North Caucasus Federal University*, 2014, no. 2, pp. 241–244. (In Russian). EDN: SCVMJR.
9. Panarina V.V., Godunov I.V., Grigoryev M.A., Vokhovskiy R.A., Smirnova T.V. Socially Dangerous Acts and Their Legal Effects: General Characteristics. *Finance, Entrepreneurship and Technologies in Digital Economy. Proceedings of International Conference on Finance*, 2021, vol. 103, pp. 47–55. DOI: 10.15405/epsbs.2021.03.8.
10. Tassone-Monchicourt C., Daumerie N., Caria A., Benradia I., Roelandt J.L. Etats Dangereux et Troubles Psychiques: Images et Réalités. *Encephale*, 2010, vol. 36, no. 3, pp. 21–25. DOI: 10.1016/S0013-7006(10)70014-2.
11. Rezaeian K.M., Sahragard M., Shavaki G.N. Crime Danger Management in Iran's Criminal Law and Islam's Legal Instructions. *Journal of History Culture and Art Research*, 2017, vol. 6, iis. 3, pp. 208–221. DOI: 10.7596/taksad.v6i3.924.
12. Afanasyeva O.R., Afanasyev P.B., Goncharova M.V., Novikov V.A., Shiyani V.I. Occupation of the Highest Position in Criminal Hierarchy: Interpretation of Evaluative Signs. *Knowledge, Man and Civilization — ISCKMC 2022. Proceedings of International Scientific Congress*. 2020, vol. 129, pp. 48–54. DOI: 10.15405/epsbs.2022.12.6.
13. Agildin V.V., Konstantinova O.N. Topical Problems of Qualification for Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2022, no. 4, pp. 5–10. (In Russian). EDN: GRLOAI. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.4.5-10.
14. Vries M., Bijlsma J. The Elusive Concept of Dangerousness: the State of the Art in Criminal Legal Theory and the Necessity of Further Research. *Criminal Justice Ethics*, 2022, vol. 41, iis. 2, pp. 142–166. DOI: 10.1080/0731129X.2022.2102837.
15. Antonova E.Yu. The Person Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy as a Special Subject of Crime. In Bezrukov S.S., Volkov K.A. (eds.). *Topical Issues of Trial of Criminal Cases by Jury. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, May 19, 2017*. Khabarovsk, 2017, pp. 6–11. (In Russian). EDN: XRHHZB.
16. Carvalho H. Dangerous Patterns: Joint Enterprise and the Culture of Criminal Law. *Social & Legal Studies*, 2023, vol. 32, iis. 3, pp. 335–355. DOI: 10.1177/0964663922119351.
17. Martynenko E.V. Re-entry of Criminal Conviction as a Qualifying Crime Factor in the Criminal Code of the Russian Federation: the New or the Well Forgotten Old? *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 3, pp. 46–49. (In Russian). EDN: ZKGPQX. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-3-46-49.
18. Inshakov S.M. *Foreign Criminology*. Moscow, Infra-M Publ., 2003. 374 p. EDN: QVREBP.
19. Jorm A.F., Reavley N.J., Ross A.M. Belief in the Dangerousness of People with Mental Disorders: a Review. *Aust N Z J Psychiatry*, 2012, vol. 46, no. 11, pp. 1029–1045. DOI: 10.1177/0004867412442406.
20. Martufi A. The Paths of Offender Rehabilitation and the European Dimension of Punishment: New Challenges for an Old Ideal? *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2018, vol. 25, iis. 6, pp. 672–688. DOI: 10.1177/1023263X18820678.
21. Harper C.A., Rumney P.N.S., Sackey D.A. Are Sex Offending Allegations Viewed Differently? Exploring the Effect of Offense Type and Conviction Status on Criminal Stigmatization. *Sexual Abuse*, 2023. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36716703/>. DOI: 10.1177/10790632231154168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонова Елена Юрьевна — декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: antonovy@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонова Е.Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законодательство: постановка проблемы / Е.Ю. Антонова. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).352-360. — EDN VJDTLM // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 352–360.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonova, Elena Yu. — Dean, Faculty of Law, Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: antonovy@yandex.ru.

FOR CITATION

Antonova E.Yu. The Theory of the Dangerous State of the Individual and Its Impact on Criminal Lawmaking: Statement of the Problem. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 352–360. (In Russian). EDN: VJDTLM. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(4).352-360.